

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ
ЮЖНОЙ СКАНДИНАВИИ
С ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.¹

М. А. Тиханова

В течение долгого времени в археологической литературе господствовало мнение об огромном значении в первой половине I тысячелетия н. э. воздействия на Центральную, Северо-западную Европу и скандинавские страны южнорусского (северопонтийского «готского») культурного потока. С этим потоком были связаны многие явления прикладного искусства, появление атрибутов и украшений одежды, в первую очередь подвязных и двупластинчатых фибул, некоторых видов оружия (мечи с кольцевой рукоятью, определенные виды наконечников копий), бронзовых ведерок с косыми каннелюрами, а также погребальных сооружений с каменными обкладками, самого обряда трупоположения, круговой керамики и, наконец, рунической письменности.

Такая преувеличенная оценка была впервые опровергнута в начале 40-х годов И. Вернером, а в дальнейшем подверглась развернутой критике в работе Б. Шернквист, в части же двупластинчатых фибул — в исследовании К. Раддаца² и совсем недавно в работе советского археолога А. К. Амброза³. Тем не менее и в настоящее время традиционная, хотя неаргументированная точка зрения находит еще применение особенно в отношении вышеупомянутых типов фибул. Между тем, как показал А. К. Амброз, местом возникновения двучленных прогнутых фибул с узкой ножкой является область древних пруссов, включающая и современную Калининградскую область, и Нижнее Повисленье, откуда они распространяются в конце 2 или в начале 3 века на юг, где и становятся в различных своих вариантах наиболее типичными атрибутами одежды носителей черняховской культуры.⁴

¹ В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный автором 30 мая 1968 г. в Петрозаводске. См. *Тезисы докладов Четвертой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии I*, Петрозаводск 1968, стр. 159—162.

² J. Wegner, Die beiden Zierscheiben des Thorsberger Moorfundes. *Römisch-Germanische Forschungen 16*, Berlin 1941, стр. 48—49, 54; B. Stjernquist, Simris. On cultural connections of Scania in the Roman iron age. *AA Lund 2*, Bonn—Lund 1955, стр. 145 и сл.; K. Radtatz, Eine Fibel aus Zugmantel. *Saalburg-Jahrbuch XIII*, 1954, стр. 54.

³ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. *Свод археологических источников, Д1-30*, Москва 1966, стр. 7, 58—62, 77—80.

⁴ Там же, стр. 61—62. Некоторые оговорки имели место и раньше. Так, И. Э. Форсандер, признавая действительность южнорусского культурного потока в других его проявлениях, возражал против понтийско-германского происхождения фибул с подвязной ножкой. Обосновывал он свое возражение более ранним их появлением в бывш. Восточной Пруссии и ставил вопрос о принесении их в Южную Россию германцами. См.

Что касается двупластинчатых фибул, в которых большинство исследователей видело дальнейшее развитие подвязных фибул и также выводило их из северного Причерноморья, то, как показал К. Раддац, они восходят к одной из форм провинциально-римских фибул и никак не связаны с подвязными.⁵ Положение это развил А. К. Амброз, показав и распространение этих фибул на нашей территории, в основном в западных ее областях.⁶ Выяснение истории возникновения и развития подвязных и двупластинчатых фибул лишает теорию готопонтийского воздействия ее главного аргумента.⁷

Новейшие исследования отчетливо показывают неосновательность утверждений о северо-черноморском (готском) происхождении целого ряда других предметов и явлений.

Так, мечи с кольцевой рукояткой известны как оружие, перенятое римской конницей от сармат сразу же после маркоманнских войн, а возможно и несколько раньше. Мечи этого типа применялись в римском войске уже в позднем 2 и раннем 3 веках, о чем свидетельствуют и римские надгробия, и находки мечей в пределах римского мира, в частности в римских лагерях.⁸

Бронзовые наконечники копий с инкрустацией серебром, датируемые 3 веком, притом и его первой половиной (пять из них с руническими надписями⁹), совершенно неизвестны на

нашем юге. Они в основном сосредоточены на севере — в Скандинавии, Центральной Европе и единично встречаются восточнее (знаменитое ковельское копье, найденное на Волини¹⁰), а также в юго-восточной Польше (в Розвадуве¹¹).

Что касается бронзовых ведерок с косыми, волнообразными каннелюрами, в которых Х. Ю. Эггерс (мнение его поддерживает К. Маевский) видит солдатские котелки, изготовленные в мастерских восточных провинций Римской империи, возможно в северо-причерноморских городах¹², то находки их сосредоточены на северо-востоке Центральной Европы, в том числе в Северо-восточной Польше, и полностью отсутствуют на юге. Датируются они второй половиной 2 века, частично — началом 3 века. Родиной их большинство исследователей считает запад — римские провинции Бельгика или Нижнюю Германию.¹³

Ничем не обоснованы и утверждения, восходящие еще к Г. Косинна и его школе, а позднее поддержанные рядом исследователей, о связи с южнорусским культурным потоком захоронений в каменных ящиках и камерах, сложенных из камня.¹⁴ Каменные сооружения в виде каменных кругов, вымоствок и обкладок хорошо были известны на северо-западе Европы, в частности в Дании и Шлезвиге¹⁵, еще в

J. E. Forssander, Provinzialrömisches und Germanisches Stilstudien zu den schonischen Funden von Sösdala und Sjörup. VII Meddelanden från Universitets Historiska museum 2. Arberättelse 1936—1937, Lund 1937, стр. 183 (А. К. Амброз эту работу не упоминает).

⁵ R a d d a t z, Eine Fibel, стр. 54. В позднейшей своей работе К. Раддац не отрицал южнорусского происхождения подвязных фибул, он указывал лишь на споры, связанные с датировкой, и путь, по которому этот тип достиг германских племен. Сам он отмечал прямые связи Поэльбья с Южной Россией. См. К. R a d d a t z, Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. *Offa-Bücher* 13, Neumünster 1957, стр. 111.

⁶ А м б р о з, Фибулы, стр. 76—82.

⁷ Там же, стр. 62.

⁸ М. А. Тиханова, О находке римского оружия на Южной Волини — корочковидный наконечник ножен меча из кости благородного оленя. *КСИА* 116, Москва 1969, стр. 36—39; J. W e g n e r, Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa. *Bayerische Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. Sitzungsberichte* 1966, Heft 4, стр. 17—18; Н. J. K e l l n e r, Zu den römischen Ringknaufschwertern und Dösenorbändern in Bayern. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 13, 1966, Mainz 1968, стр. 190—201.

⁹ В Эвре-Стабю (Норвегия), Дамсдорфе-Мюхеберге (Бранденбург), Мос (Готланд), Розвадуве (Польша) и в Сушично близ Ковеля (Волинской обл. УССР). А. N a d o l s k i, Kilka uwag o inkrustowanych grotach oszczepów z późnego okresu rzymskiego. *Slavia Antiqua*

II, 1949/50, стр. 240 и сл.; W e g n e r, Das Aufkommen, стр. 32, 43—44 и рис. 14; W. K r a u s e, Die Runeninschriften im älteren Futhark, I. Text mit Beilagen von Herbert Jankuhn. II. Tafeln. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Phil.-Hist. Klasse, III Folge, No. 65*, Göttingen, стр. 75—82.

¹⁰ A. S z u m o w s k i, Grot z runicznym napisem z Suszyna. *Wiadomości Archeologiczne II*, Warszawa 1876, стр. 49—61; W. K r a u s e, Der Speer von Kowel — ein wiedergefundenes Runendenkmal. *Germanien* 1941, 29, стр. 450—464.

¹¹ M. S m i s z k o, Grot dziryty z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem. *Wiadomości Archeologiczne XIV*, Warszawa 1936, стр. 140—146, табл. XIX—XX.

¹² Н. J. E g g e r s, Der römische Import im freien Germanien. Hamburg 1951, стр. 56; К. M a j e w s k i, Importy rzymskie w Polsce. Warszawa—Wrocław 1960, стр. 45—46.

¹³ J. W e g n e r, Zur Herkunft und Stellung der Hemmoorer Eimer und der Eimer mit gewellten Kannelüren. *Bonner Jahrbücher* 140/141, 1936, стр. 406—410; W. Ł e g a, Handel między państwem rzymskim z Pomorzem nadwisańskim od I w. przed n. e. do VI w. n. e. *Przeglad Archeologiczny X*, Poznań—Warszawa 1958, стр. 9.

¹⁴ W. S c h u l z, Leuna. Ein germanischer Bestattungsort der spätrömischen Kaiserzeit. *Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte I*, Berlin 1953, стр. 41.

¹⁵ С. J. B e c k e r, Forromersk Jernalder i Syd- og Midtjylland. København 1961, стр. 64; R. H. B e h r e n s, Schwissel. Ein Urnengrab der vorrömischen Eisenzeit aus Holstein. *Offa-Bücher* 22, Neumünster 1968, стр. 18—22.

позднелатенское время и не могут находиться в связи с припонтийской территорией.

Таким образом, все аргументы сторонников теории культурного воздействия, идущего с юго-востока, оказались несостоятельными.

В то же время исследования последних лет, проведенные советскими археологами, и раскрытые ими памятники первой половины I тысячелетия, особенно 3—4 вв., вскрывают обратное воздействие Северо-Западной Европы и Южной Скандинавии на Восточную Европу, притом не только в отношении отдельных категорий вещей, но и гораздо более существенных явлений.

Раскопками на территории Южной Волыни, в частности раскопками автора настоящей статьи поселения у с. Лепесовка, хорошо датированного всем комплексом находок временем конца 2 — третьей четверти 4 веков н. э., были вскрыты большие наземные жилища, в большинстве своем состоящие из двух частей, т. е. совмещающие под одной кровлей помещение для жилья человека и помещение для скота или производственного назначения. Все они в плане прямоугольные, ориентированные, как правило, с запада на восток и со стенами из плетня или кольев, обмазанных глиной.¹⁶ Такой тип жилища, ранее совершенно неизвестный на территории лесостепной полосы Восточной Европы, появился во вполне сложившемся виде на Южной Волыни не только в Лепесовке, но и в ряде других пунктов, а также в верховьях Западного Буга и левых притоков Днестра, в Среднем Поднепровье, на его право- и левобережье и в междуречье Днестра и Прута в Молдавии.¹⁷ Между тем жилища именно такого типа хорошо были известны в Ютландии в период позднего латена; особенно характерны они для раннеримского времени, доживая вплоть до позднеримского. Прослеживаются они и в других районах Дании, в Гол-

ландии и на северо-западе Германии.¹⁸ Среди памятников Молдавии особый интерес представляет комплекс, вскрытый Э. А. Рикманом у с. Будешты Криулянского района, который сочетает в себе и поселение с жилищами близкого к лепесовским типа, и могильник. Среди погребальных сооружений последнего отчетливо прослеживаются северные черты, а именно каменные конструкции и вымостки, хорошо известные в погребениях Ютландии, Зеландии, Фюна, Борнхольма и Южной Швеции. Каменные конструкции, или просто накрытие погребений камнями, наблюдаются и в других пунктах междуречья Днестра и Прута (в Балцатах, Малаештах), а также на порожищем и Нижнем Днестре — в Привольном, Гавриловке и др.¹⁹

Прямым свидетельством связей Восточной Европы с Южной Скандинавией являются и так называемые фибулы — монстры (или фибулы «чудовищного типа» — по терминологии А. К. Амброза). Две такие фибулы были найдены в упомянутом выше могильнике у с. Будешты²⁰, третья также в Молдавии — случайная находка у с. Манганешты-Василика на р. Прут²¹. Фибулы эти серебряные, покрытые золотым листком, принадлежат к типу двучленных, с очень высоким кососрезанным приемником булавки и украшены накладными

¹⁸ J. Brøndsted, *Nordische Vorzeit* III, Neumünster 1963, стр. 85—90, 123—136, 180—186, 245—248; Тиханова, *Раскопки поселения*, стр. 210—212.

¹⁹ Э. А. Рикман, *Погребальные обряды Будештского могильника. Материалы и исследование по археологии и этнографии Молдавской ССР*, Кишинев 1964, стр. 110, 120, 128; он же, *Памятник эпохи великого переселения народов по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты*, Кишинев 1967, стр. 42; Becker, стр. 64; Brøndsted, стр. 133 и сл., 191 и сл.; Stjernquist, стр. 5—40; Г. Б. Федоров, *Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут)*, МИА 82, Москва 1960, стр. 253—301; Ю. В. Кухаренко, *Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном (по материалам раскопок Днепростроевской археологической экспедиции)*, СА XXII, Москва 1955, стр. 130—152; Э. А. Симонович, *Памятники черняховской культуры степного Поднепровья*, СА XXIV, Москва 1955, стр. 289—306; он же, *Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днестре*, МИА 82, Москва 1960, стр. 192—252.

²⁰ Э. А. Рикман, *Раскопки у с. Будешты. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики*, Кишинев 1960, стр. 212, 214 и рис. 15: 2, 3; он же, *Памятник*, стр. 31, рис. 37: 4, 5; Амброз, *Фибулы*, стр. 68 и табл. 12, 16.

²¹ N. Moroşan, *O fibula particulara germanica din epoca imperialo-romana gasită in Basarabia*, Chişinău 1935; он же, *Kaiserzeitliche Fibel aus Vasilica (Bessarabien)*, *Germania* 19, 1935, стр. 36—40, рис. 1—2; Амброз, *Фибулы*, стр. 68.

¹⁶ М. А. Тиханова, *Раскопки на поселении у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.* СА 1963, № 2, стр. 182—183 и рис. 2; она же, *Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг.* КСИА 102, Москва 1964, стр. 49—51 и рис. 17; она же, *Раскопки поселения у с. Лепесовка. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР*, Москва 1966, стр. 210—212; она же, *Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры*, КСИА (в печати).

¹⁷ Тиханова, *Раскопки поселения*, стр. 214; А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский, *Черняховское поселение в селе Лески близ города Черкасы*, МИА 139, Москва 1967, стр. 35—61; Е. В. Махно, *Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань*, *Археологічні пам'ятки УРСР III*, Київ 1952, стр. 234 и рис. 2; Э. А. Рикман, *Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху)*, МИА 82, Москва 1960, стр. 302—321.

дисками. Эта немногочисленная группа фибул датируется рубежом 2—3 вв. н. э. или началом 3 в. и представляет форму, типичную для стран, примыкающих с запада к Балтийскому морю. Эти фибулы распространены в основном в Дании, а также на Борнхольме и Готланде, встречаются они и на территории бывшей Восточной Пруссии, в том числе в Калининградской области. Находят такие фибулы исключительно в богатых женских погребениях. Фибулы эти особенно интересны тем, что четыре из них несут на себе рунические надписи на обратной стороне приемника, т. е. невидимо для глаз. Все четыре найдены в Дании — две в Зеландии (в Химлингойе и Верлосе), а две — в Ютландии (в Несбьерге и Норлинге).²²

Северного, видимо датского, происхождения является и серебряная двучленная подвязная фибула (серии III A. К. Амброза) с богатым набором колец и декоративной кнопкой из раскопок Херсонесского некрополя, произведенных А. С. Уваровым еще в 1853 г. Судя по найденным вместе с нею монетам, она относится к 3 или 4 веку.²³ Такого же типа и три депортированные фибулы из собрания Государственного Эрмитажа, о которых, как предполагает А. К. Амброз, быть может упоминал и О. Альмгрен.

Все вышеизложенное свидетельствует об определенных связях Восточной Европы, в частности Молдавии, с Южной Скандинавией.

В осуществлении этих связей большое значение, несомненно, имел морской путь, пришедший в конце 2-го — начале 3-го вв. (после маркоманских войн) на смену сухопутному «янтарному» пути. Он связал западные провинции империи с Северной и Восточной Европой — от устья Рейна через Данию и далее по Балтийскому морю в устье Вислы и вверх по этой реке и Западному Бугу к левым притокам Днестра. Именно этим путем, в котором Зеландия играла большую роль, причем не только пере-

валочного пункта — посредника, в Северо-восточную Польшу и западные районы нашей страны попадали изделия западногерманских и южнскандинавских (зеландских) мастеров, например ведро типа *Hettmoor* в погребении в Рудке на Волини, ведро с косыми каннелюрами в Пилипках Бельского повята Польши (бывш. Гродненской губ.), вероятно обоянская стеклянная патера²⁴, молдавские и херсонесские фибулы и т. д.

Все возрастающее значение северного морского пути по Балтийскому морю в первой половине 3 в. н. э. справедливо подчеркивается рядом западноевропейских, польских и финских ученых.²⁵ Еще ранее отмечал это и Х. А. Моора в своем труде, посвященном железному веку Латвии. Значение морского пути подчеркивают и наши литовские коллеги.²⁶

Как уже говорилось выше, с северочерноморским (готским) культурным потоком долгое время связывали появление и происхождение рунической письменности, несмотря на то, что сами рунические надписи хронологически противоречат такому предположению. В археологическом материале нет также никаких данных для подтверждения возникновения рун у берегов Черного моря. Древнейшие рунические надписи на изделиях из металла и кости, относящиеся к рубежу 2—3 вв. или к первой половине 3 в., в основной своей массе локализуются в Южной Скандинавии — в Зеландии, Ютлан-

²⁴ М. А. Тиханова, О локальных вариантах черняховской культуры. *СА 1957*, № 4, стр. 192 и рис. 17; Отчет Археологической комиссии за 1913—1915 гг., стр. 185—186; *Werner, Zur Herkunft*, стр. 410, № 46; Л. А. Мацулевич, Погребение варварского князя в Восточной Европе. *ИГАИМК 112*, Москва—Ленинград 1934, стр. 80—81.

²⁵ W. Gaerte, *Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr.* 1929, стр. 207; *Werner, Zur Herkunft*, стр. 407; он же, *Die beiden Zierscheiben*, стр. 54, 55, 68; он же, *Das Aufkommen*, стр. 21—22; J. Kostrzewski, *Prehistoria ziem Polskich. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów*. Warszawa 1939—1948, стр. 336; K. Majewski, *Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich*. Wrocław 1949, стр. 24; он же, *Importy rzymskie w Polsce*, стр. 42; E. Konik, *Śląsk starożytny i imperium Rzymskie. Biblioteka archeologiczna 9*. Warszawa—Wrocław 1965, стр. 150; *Łęga*, стр. 9; E. Kivikoski, *Finland*. London 1967, стр. 84.

²² Амброз, *Фибулы*, стр. 67; *Werner, Das Aufkommen*, стр. 28, 29, 41—42, рис. 13 и табл. 15; *Krause*, стр. 32—33, № 10, табл. 6; стр. 33—34, № 11, табл. 7; стр. 36—37, № 13, табл. 8; стр. 37—39, № 13а, табл. 8; *Brøndsted*, стр. 260, 429; E. Moltke, *Runeindskriften på rosetfibulen fra Nøvling. Kuml 1963*. Århus 1964, стр. 37—41; Э. А. Макаев, Язык древнейших рунических надписей, лингвистический и историко-филологический анализ. Москва 1965, стр. 103, № 38; стр. 104, № 57; стр. 108, № 106. В другом более позднем погребении (№ 35, 4 века) того же могильника в Химлингойе была обнаружена бронзовая двупластинчатая фибула также с рунической надписью.

²³ Амброз, *Фибулы*, стр. 67—68 и табл. 15 : 27.

²⁶ Моора, *EZL II*, стр. 591—592; М. М. Михельбертас, Римские металлические предметы в Литве. *СА 1965*, № 3, стр. 168, 175; он же, Римский импорт в Литве. Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс 1965, стр. 12, 15; Р. Волькайте-Куликаускаене, Успехи археологической науки в Литовской ССР. *СА 1967*, № 3, стр. 103. Приходится сожалеть, что В. В. Кропоткин в своей работе, посвященной экономическим связям Восточной Европы, совершенно обошел этот вопрос. См. В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. Москва 1967.

дии, Сконе, т. е. в местах предположительного обитания герулов (ерулов), изгнанных затем с их родины данами и выступающих, как известно, во второй половине 3 в. вместе с готами у берегов Черного моря. Если Южная Скандинавия и не является «прародиной» рунической письменности, то все же именно здесь были найдены древнейшие рунические надписи,

исполненные мастерами, в которых ряд исследователей видит древних герулов.²⁷

²⁷ O. Friesen, De germanska, anglofriska och tyske runorna. *Nordisk kultur VI*, København—Oslo—Stockholm 1933, стр. 3—79; N. Aberg, *Vorgeschieftliche Kulturkreise in Europa*. *Bilderatlas mit erläuterndem Text*. Kopenhagen 1936, стр. 51; Werner, *Das Aufkommen*, стр. 34, сн. 55 и рис. 15; Krause, стр. 57—59; Brøndsted, стр. 272, 431; Макаев, стр. 29—43.

LÕUNA-SKANDINAAVIA SIDEMETEST IDA-EUROOPAGA I AASTATUHANDE ESIMESEL POOLEL

M. A. J.

M. A. Tihhanova

Lühikokkuvõte

Kaasa aastaid valitses arheologia-alases kirjanduses seisukoht, et Musta mere põhjaranniku «gooti» kultuur on avaldanud suurt mõju Kesk- ja Põhja-Euroopa kultuurilisele arengule. Sellega seostati teatavate sõletüüpide, kivisillutisega kalmete, ruunikirja jm. levikut. Musta mere ranniku kultuurimõju ülehindamisele on vastu vaieldud juba mitmed välismaised autorid ja 1966. aastal ka nõukogude arheoloog A. Ambros. Sellest hoolimata püsib veel see vana, kuigi argumenteerimata seisukoht.

Viimaste aastate uurimistööd Nõukogude Liidus tõendavad seevastu Loode-Euroopa, isäranis Lõuna-Skandi-

naavia kultuurimõju Ida-Euroopale. Lõuna-Volöönia, sealhulgas autori poolt juhatatud asulakaevamistel Lepesovka küla juures (2. sajandi lõpp — 4. sajandi kolmas veerand), leiti nelinurksete ehituste jäänuseid. Neis on ühe katuse all olnud elamu ja tall (või tööruum). Seda laadi elamuid tuntakse juba hilislateeni ja rooma ajast Jüütimaalt, Taani saartelt, Hollandist ja Loode-Saksast. Eriti tähtis on seesuguste ehituste ja samas paikneva kivisillutisega kalmistu olemasolu Tšernjahhovo kultuuri asulas Moldaavias. Ida-Euroopa ja Lõuna-Skandinaavia vahelisi sidemeid tõendavad ka «monstroossed» sõled kõrge nõelahoidjaga, mis on põhjamaist päritolu. Vanimad ruunikirjad esinevad aga metall- ja luuesemetel 200. aasta paiku või 3. sajandi esimesel poolel peaaesjalikult Själlandil, Jüütimaal ja Skånes, seega heruulide oletataval asumisalal enne seda, kui nad koos gootidega Musta mere poole liikusid.

Mainitud suhtlemises oli 2. sajandi lõpust või 3. sajandi algusest alates suur tähtsus mereteel üle Läänemere, millel tähtsat osa etendas Själlandi saar.

ZUR FRAGE DER VERBINDUNGEN SÜDSKANDINAVIENS MIT OSTEUROPA IN DER ERSTEN HALFTE DES I. JAHRTAUSENDS u.Z.

M. A. Tichanova

Zusammenfassung

Seit langen Jahren herrschte in der archäologischen Literatur die Ansicht einer ausserordentlichen Bedeutung des nordpontinischen «gotischen» Kulturstroms für die kulturelle Entwicklung Mittel- und Nordeuropas. Mit diesem Kulturstrom brachte man die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss, die Fibeln mit halbrunder Kopfplatte, die Gräber mit Steinpackung, die Runenschrift u.a. in Verbindung. Eine solche Überschätzung des nordpontinischen Kulturstroms wurde von mehreren ausländischen und 1966 auch vom sowjetischen Archäologen A. Ambros bestritten. Deswegen geachtet blieb die alte, wenngleich unargumentierte Ansicht bestehen.

Die in den letzten Jahren in der Sowjetunion angestellten Untersuchungen bezeugen im Gegenteil den Einfluss Nordwesteuropas und Südskandinaviens auf Osteuropa. Ausgrabungen in Südwohynien, darunter die der Ver-

fasserin auf der Siedlung beim Dorfe Lepesowka (Ende des 2. — drittes Viertel des 4. Jhs.) weisen auf der damaligen Erdoberfläche rechteckige, meistens zweiteilige Gebäude nach, die unter einem Dache einen Wohnraum und einen Stall (oder Produktionsraum) vereinigten. Wohngebäude dieser Art sind bereits in der Spätlatène- und in der römischen Zeit aus Jütland, den dänischen Inseln, Holland und Nordwestdeutschland bekannt. Unter den moldawischen Denkmälern der Tschernjachowokultur sind die Siedlung Budeschty mit Häusern dieser Art und das daselbst befindliche Gräberfeld mit einigen Steinpackungen besonders wichtig.

Einen Beweis der Verbindungen Osteuropas mit Südskandinavien bieten die «monströsen» Fibeln mit hohem Nadelhalter, welche nordischer Herkunft sind. Die ältesten Runenschriften treten an Gegenständen aus Metall und Bein um 200 oder in der ersten Hälfte des 3. Jhs., hauptsächlich in Seeland, Jütland und Schonen, d.h. in dem vermutlichen Siedlungsgebiet der Herulen auf, die mit den Goten zusammen ans Schwarze Meer gelangten.

Bei diesen Verkehrsbeziehungen gewann der Seeweg über die Ostsee, auf welchem Seeland eine beträchtliche Rolle spielte, vom Ende des 2. — Anfang des 3. Jhs. an eine grosse Bedeutung.